

NADIA MELNYK

Uniwersytet Wrocławski, Polska

semperavanti.nadia@gmail.com

Семантика зооморфизмов в составе русских, украинских и польских паремий (гендерный аспект)

В настоящее время одним из актуальных направлений лингвистики является изучение отражения антропоцентрических характеристик в фразеологии и паремиологии в рамках лингвокультурологического подхода.

Изучение семантики зооморфной лексики в контексте номинации лиц мужского и женского пола, запечатлённой в паремиологических единицах русского, украинского и польского языков, представляется важным по нескольким причинам. Во-первых, „зооморфизмы не только позволяют описать внешность человека, особенности его поведения, физические, интеллектуальные, нравственные качества, эмоциональное состояние, но и несут также культурную специфику”¹.

Во-вторых, зооморфные образы содержат чёткие коннотации с целью приписывания человеку некоторых признаков, обладающих оценочным смыслом. Переносные значения у зооморфизмов возникают как результат метафоризации и творческого осмысления мира, а формируются на основе как общечеловеческих, так и национальных представлений о животных².

В славянской лингвистике проблеме изучения зооморфных образов как единиц образной номинации человека посвящено достаточно много работ

---

¹ А.А. Шарова, *Гендерный аспект зооморфных образов (на материале русского и английского языков)*, автореф. дисс. на соиск. уч. ст. к. филол. наук, Ярославль 2010, с. 6.

² Е.М. Брославская, *Этнокультурные особенности зооморфизмов в русском, украинском и английском языках*, «Вестник МСУ» 4, 2001, № 6, с. 50.

(Т.Г. Бочина³, А.А. Киприянова⁴, Ц.Ц. Огдонова⁵, А.А. Шарова и др.), также как и проблемам семантики зооморфизмов в фразеологии и паремиологии (В. Хлебда⁶, Р. Выжкевич-Максимов⁷), этнокультурным особенностям зооморфизмов (Е.М. Брославская⁸, В.В. Жайворонок⁹). Представляет интерес работа А.А. Шаровой, направленная на изучение зооморфных образов русского языка с точки зрения их способности репрезентировать концепты „маскулинность” и „фемининность”¹⁰. Заслуживает внимания работа Е.А. Васьковой, направленная на описание гендерной специфики фразеологических единиц с зоонимами¹¹, описание антропоцентрической семантики названий животных в связи с их полом Т.Г. Шведчиковой¹², Г. Шпили¹³.

В нашем исследовании функционально-семантическая группа зооморфизмов определяется как общность зоонимов (названий животных) в переносном значении, выполняющих функцию характеристики и экспрессивизации.

Кроме различий в ассоциациях, связываемых носителями языка с тем или иным животным, национальная специфика зооморфизмов проявляется также в различиях в гендерной референции данных лексических единиц, а также в употребительности или отсутствии названий животных мужского и женского пола для характеристики человека.

Лексические зооморфные единицы, которые репрезентируют гендерные концепты, определяются как гендернозначимые. На семантическом уровне они содержат информацию, способствующую актуализировать в сознании

³ Т.Г. Бочина, *Зооморфизмы как семантические дериваты эмоциональной оценки*, [в:] *История русского языка: словообразование и формообразование*, Казань 1997, с. 125–132.

⁴ А.А. Киприянова, *Функциональные особенности зооморфизмов (на материале фразеологии и паремиологии русского, английского, французского и новогреческого языков*, фвтореф. дисс. на соиск. уч. ст. канд. филол. наук, Кубанский гос. ун-т, Краснодар 1999.

⁵ Ц.Ц. Огдонова, *Семантико-типологическая характеристика зооморфизмов*, [в:] *Семантика языковых единиц. Доклады IV Межд. конф.*, т. 1, Москва 1998, с. 190–191.

⁶ W. Chlebda, *Człowiek Niewiedzący w zoologu, albo Zwierzęta w polskim opisie słownikowym*, [в:] *Bestie, żywy inwentarz i bracia mniejsi. Motywy zwierzęce w mitologiach, sztuce i życiu codziennym*, ред. P. Kowalski, K. Łeńska-Bąk, M. Sztandara, Opole 2007, с. 21–32.

⁷ R. Wyżkiewicz-Maksimow, *Językowy obraz człowieka — charakter i osobowość w paremiologii polskiej, serbskiej i chorwackiej*, Gdańsk 2012.

⁸ Е.М. Брославская, указ. раб., с. 49–52.

⁹ В.В. Жайворонок, *Знаки української етнокультури: Словник-довідник*, Київ 2006.

¹⁰ А.А. Шарова, указ. раб.

¹¹ Е.А. Васькова, *Гендерная специфика фразеологических единиц с зоонимами*, «Вестн. Моск. лингвист. ун-та.», вып. 518, 2006, с. 46–51.

¹² Т.В. Шведчикова, *Лексико-семантическая группа как отражение языковой системы (на примере наименований домашних животных в русском языке)*, Новосибирск 1998.

¹³ G. Szpila, *Semantyka kontekstualna leksemów zwierzęcych w przysłowiaach*, «Literatura Ludowa» 3/2000, с. 13–22.

коммуникантов гендерные стереотипы и связанные с ними ограничения на их употребление по отношению к референтам мужского или женского пола¹⁴.

Несмотря на существенное внимание исследователей к проблематике, семантика гендернозначимых зооморфизмов в русских, украинских и польских паремиях не является в достаточной степени изученной.

Таким образом, с целью определения семантики зооморфизмов с точки зрения их гендерной референции в русских, украинских и польских паремиях, нами был проведён количественный и качественный, а также сопоставительный анализ значений зооморфизмов на основе типологии, представленной А.А. Шаровой. Всего было проанализировано 127 русских, 106 украинских и 98 польских паремиологических единиц, в состав которых вошли известные пословицы и поговорки, а также антипословицы.

Материалом для анализа послужили паремии, зафиксированные в русских лексикографических источниках: *Словаре-тезаурусе русских пословиц, поговорок и метких выражений* В.И. Зимина, *Большом словаре русских пословиц* и *Большом словаре русских поговорок* под ред. В.М. Мокиенко, Т.Г. Никитиной, *Словаре русских пословиц и поговорок* под ред. В.П. Жукова, сборнике *Антипословицы русского народа* Х. Вальтера и В.М. Мокиенко.

К источникам материала для анализа на украинском языке был отнесён сборник *Українські приказки, прислів'я і таке інше* М. Номыса и словарь-справочник *Знаки української етнокультури* В.В. Жайворонка.

В качестве лексикографических источников польских паремий были избраны: словарь польских пословиц *Słownik przysłów. Przysłownik* К. Клосиньской, *Wielki słownik frazeologiczny PWN z przysłowiami* под ред. А. Клосиньской и др., *Inny słownik języka polskiego* под ред. М. Банько.

На основании количественного и качественного анализа паремиологических единиц русского, украинского и польского языков, всего было выявлено 226 случаев употребления гендернозначимых зооморфизмов.

Ссылаясь на опыт группировки гендернозначимых зооморфизмов, представленной в работе А.А. Шаровой, зооморфизмы-компоненты паремий были условно отнесены к трём группам: зооморфизмы с маскулинной (68), фемининной (61) и/или метагендерной (97) референцией.

В результате качественного анализа 68 паремий, в составе которых встречается компонент-зооморфизм с маскулинной референцией, выяснилось, что зооморфическими лексемами, отражающими концепт „маскулинность” в русских пословицах, являются лексемы: *конь* (43%), *осёл* (36%), *козёл* (36%), *кот* (24%), *волк* (24%), *лев* (13%), *медведь* (7%), *петух* (7%). Среди наиболее распространённых зооморфных лексем в украинских паремиях оказались лексемы: *конь* (32%), *осёл* (26%), *козёл* (26%), *кот* (21%), *лев* (11%), *медведь* (11%), *волк* (7%). В польских паремиологических единицах

¹⁴ Е.А. Васькова, указ. раб., с. 47.

чаще других встречаются зооморфные лексемы: *конь* (23%), *бык* (23%), *собака/пёс* (18%), *кот* (11%), *лев* (9%), *тигр* (9%), *слон* (9%).

В русской, украинской и польской паремике функционирует зооморфизм *конь*, образ которого ассоциируется с выдержкой, преданностью, быстротой (русск.: *Конь узнаётся в езде, друг в беде*; укр.: *З коня на осла зійшов*; польск.: *Spragniony koń tętną wodą nie pogardzi*). Несмотря на то, что данный зооморфный образ чаще употребляется в метагендерном контексте, были замечены случаи отрицательных коннотаций в русских пословицах и антипословицах, например: *Старый конь борозды не портит, он ляжет в неё и спит*. В новой интерпретации известной пословицы зооморфизм *конь* употребляется в контексте характеристики ленивого мужчины. Отношение мужчин к физическому труду в современной польской паремии отражается с помощью биннома *кони—ослы*: *Gdzie koni brakuje, tam osłów używają* — *Где не хватает коней, там используют ослов*.

В паремиологической традиции трёх славянских языков зооморфизм *осёл* употребляется по отношению к глупому мужчине: *Осла видать по ушам, а дурака — по речам* (русск.); *Хто родився ослом, не стане послом* (укр.); *Z osła koń nie będzie* — *Осёл не станет конём* (польск.); *Poślij do Paryża osła głupiego, jeśli był osłem, nie będzie koń z niego* — *Отправь глупого осла в Париж, если был ослом, не станет конём* (польск.). В структурном составе русских паремий встречается и зооморфический бинном *лев—осёл* (*Хочешь быть львом, не будь ослом*), который также был отнесён нами к данной группе.

Распространённая в фразеологии зоолексема *козёл* имеет отрицательные коннотации во всех трёх языках. В украинской паремиологической традиции *козёл* символизирует глупость, несущественность: *Витріщив очі, як козел на нові ворота; З козла ні шерсті, ні молока; Пропасти ні за цапову душу*. В польской фразеологии данная лексема употребляется для характеристики упрямого и ненадёжного мужчины: *Uparty jak kozioł* — *Упрямый, как козёл*.

В паремийном пространстве образ мужчины встречается в противопоставлении с образом *собаки/пса*: *Мужики не собаки: на кости не бросаются; Чоловіки не пси, на кістки не кидаються* (укр.); *Mężczyźni to nie psy, na kości się nie rzucają* (польск.). Однако в большинстве случаев возникают отрицательные коннотации по отношению к данному образу: *Nie wierz mężczyźnie jako psu* — *Не верь мужчине, как и собаке*; *Pies sukki nie kąsa* — *Пёс суки не кусает*; *Dwa psy w kuchni się nie zgodzą* — *Двум псам на кухне не ужиться*.

Интересным для анализа представляется зооморфизм *кобель* на примере паремии *Чёрного кобеля не отмоешь добела*, функционирующей в паремике русского и украинского языков. В зависимости от контекста употребления известной поговорки, данный зооморфизм может иметь двойную коннотацию даже в рамках этой паремии ('*кобель*' — похотливый мужчина). В польской паремиологии прототипом этого зооморфного образа является зооморфизм *волк* (*Natura w las wilka prowadzi, z natury ludzie grzeszyć radzi* — *Прупода*

тянет волка в лес, от природы люди грешны). Однако, как в русских и украинских, так и польских пословицах и поговорках зооморфизм *волк* в большинстве случаев употребляется в метагендерном контексте.

Употребление зооморфизма *кот* по отношению к мужским характеристикам чётко прослеживается на примере русских поговорок, например: *Настоящему коту и в декабре март*. Несмотря на то, что в польской паремике образ кота имеет положительные коннотации, зооморфизм *кот* для описания мужских характеристик в большинстве случаев встречается в отрицательном значении: *Czarny kot nie zostanie białym* — Чёрный кот не станет белым; *Kot zawsze chodzi swoimi ścieżkami* — Кот всегда ходит своими стезями; *Chłop towny a kot łowny z głodu nie zetrą* — Мужчина разговорчив, а кот охотлив от голода не помрёт.

Именно в польской паремике довольно часто выступают такие зооморфизмы с маскулинной референцией как *бык*, *зубр*, *слон*: *Chłop jak byk/lew tur/żubr* — Мужик как бык/лев/зубр; *Darowanemu słoniowi w trąbę się nie zagląda*. — В семантической структуре названных паремий зоолексемы отражают силу и могущество приравниваемых к ним образов.

Образ мужчины хищника и победителя, прослеживается в польских ПЕ благодаря зооморфическим компонентам, таким как *лев*, *тигр*, *акула* (*Mężczyzna ma być tygrysem, a kobieta — kotem*. — Мужчина должен быть тигром, а женщина — кошкой; *Niejedyn rekin sobie życzy, by dorodna szprotka wiodła go na smyczu*. — Каждая акула желает, чтобы красивая килька вела на поводке). Примечательно, что на семантическом уровне образы именно этих животных ассоциируются с упорством, хищностью, властью и доминированием. А бином *лев–хорёк* встречается в структуре польской паремии *W domu lew, a na wojnie tchórz* (Дом лев, а на войне хорёк) для усиления контраста значений по принципу: ‘сила–слабость’, ‘мужество–трусость’.

Для репрезентации концепта „фемининность” в русской паремике чаще всего используются следующие зооморфные образы: *лошадь*, *кобыла*, *корова*, *коза*, *кошка*, *курица/курочка*, *лебедь*, *пчёлка*. В украинских паремиях встречаются зооморфизмы *кобыла* (46%), *корова* (34%), *коза* (18%), *свинья* (18%), *сова* (18%). В польских пословицах для характеристики женских качеств в большинстве случаев используются зооморфные лексемы *корова* (43%), *коза* (43%), *курица* (26%), *сова* (11%), *жаба* (9%).

С зооморфизмом *кобыла* в представлениях русских и украинцев связан образ женщины и её темперамента, а иногда и слабость перед противоположным полом: *Кобыла з волком мирилась, та додому не воротилась* (русс.); *Кобила з вовком мирилась, та додому не повернулася* (укр.); *Старій кобилі не брикаться, сивій бабі не цілуватися* (укр.); *Норовиста, як кобила* (укр.); *Не кобила для сіна, а сіно для кобили* (укр.). Сильную же женщину приравнивают с конём, что прослеживается в русской поговорке: *Конь-баба!*

В качестве наиболее ярких примеров возникновения отрицательных коннотаций зооморфизмов *лошадь* и *кобыла* по отношению к феминным образам в русских антипословицах можем привести следующие: *Работа сделала из обезьяны человека, а из женщины — лошадь*; *Баба с возу — кобылой меньше*. В польской паремике подобные ассоциации с данным зооморфизмом по отношению к женщине не встречаются.

Зооморфизм *корова* в украинской паремиологии часто употребляется в ироническом контексте по отношению к женской внешности, например: *Здорова, як корова*. Согласно словарю М. Банько, в польской фразеологии зооморфизм *корова* служит для обозначения неуклюжести и лени¹⁵. Анализ паремий показывает, что образ этого животного не всегда имеет отрицательные коннотации (*I czarna krowa białe mleko daje — И от чёрной коровы бывает белое молоко*). Также как и в украинской, в польской паремике зооморфизм *корова* употребляется для отражения пренебрежительного отношения к женщине как к главе семьи (*Горе тобі, воле, коли тебе корова коле* (укр.); *Biada temu domowi, gdzie krowa dobada bykowi/wołowi* (польск.) — *Бедя тому дому, где корова колет быка/вола*). В украинской и польской культуре образ этого животного символизирует материнскую любовь: *Кожна корова своє теля лиже* (укр.); *Każda krowa swoje cielę liże* (польск.).

Зоолексема *коза* в паремиологии трёх славянских языков характеризует неопытную, слабую, наглую женщину или девушку — жертву сильного пола или жизненных обстоятельств: *Коза ест там, где её привязывают* (русс.); *Коза черна, коза бела, а всё дух один* (русс.); *На похиле дерево і кози скачуть* (укр.); *Gdyby kózka nie skakała, to by nóżki nie złamała — Если бы козочка не скакала, то и ножку бы не сломала* (польск.); *Zachciało się kozie męża — poszła za wilka — Захотелось козе мужа — вышла за волка* (польск.); *Parskała koza na wilka, przecież ją wilk zjadł — Прыскала коза на волка, так волк её и съел* (польск.); *Gdzie koza przywiązana, tam trawę gryźć musi — Где коза привязана, там траву грызть приходится* (польск.).

Отрицательные коннотации возникают по отношению к „женским” характеристикам, которые связаны с использованием лексем *курица* и *жаба* в славянской паремиологии: *Курица — не птица, баба — не человек* (русс.); *Біда тому дворові, де курка кричить, а півень мовчить* (укр.); *Kura, co dużo gdać, zwykle mało niesie jajec — Курица, которая много кудахчет, плохо несётся* (польск.); *У доброго мужа баба, як ружа, а у злого баба, як жаба* (укр.); *Vaba jak żaba. — Баба как жаба; Vaba, żaba i Żyd — to ci są wojacy! — Баба, жаба и еврей — вот уж вояки!* (польск.)

Зооморфический образ *совы*, употребляемый с целью характеристики гордого, настойчивого человека и, прежде всего — женщины, является достаточно распространённым в польской паремике, о чём свидетельствуют слу-

¹⁵ М. Bańko, *Inny słownik języka polskiego*, т. 1–2, Warszawa 2000.

чай употребления в следующих паремиологических единицах: *Sowy z sokolem w jeden rząd nie włożysz* — *Сову с соколом в один ряд не поставишь*; *U sowy nic piękniejszego nad jej sowięta* — *Для совы нет ничего лучшего её совят*; *Sowa sową będzie chociaż na zlocie usiądzie* — *Сова совой останется, хоть и сядет на золоте*; *Kiedy zjastrzębieje sowa, chce wyżej latać sokola* — *Когда заяструбится сова, хочет выше сокола летать*. В украинской паремике образ этой ночной птицы символизирует не только излишнюю гордость и малозначимость (*Знає сова, що краща сама*; *Не пара сова до сокола*; *Сова хоч під небо злетить, а все сова*), но также и хищность (*Знати сову по пір'ю*). В русской паремиологии образ *совы* не является столь частотным, как в польской и украинской, употребляется в основном в метагендерном контексте. Прослеживаются отрицательные коннотации по отношению к этому зооморфизму: *Сова тиха, да птиц душист*; *Сова спит, а кур видит*. Фемининный образ *совы* встречается в русской паремии *Сова — кума, воробей — зятёк*. Положительные или отрицательные коннотации, связанные с образом этой птицы, могут возникать в зависимости от контекста употребления данной паремии.

Качественный анализ 97 пословиц, в составе которых встречаются зооморфизмы с метагендерной референцией, предоставил возможность выделить наиболее распространённые зооморфные образы: *собаки* (33%), *волка* (26%), *курицы* (41%) — в русской паремиологии; *свиньи* (21%), *собаки* (21%), *волка* (16%) — в украинской паремиологии; *коровы* (33%), *свиньи* (33%), *собаки* (27%), *волка* (21%), *обезьяны* (8%), *курицы* (16%), *птицы* (16%) — в польской паремиологии.

В польских паремиях часто встречается зооморфизм *корова* (*Krowa, która dużo ruczu, mało mleka daje*. — *Корова, которая много мычит, мало молока даёт*; *Tylko krowa nie zmienia poglądów*. — *Только корова своих взглядов не меняет*).

В украинских и польских паремиях образ *свиньи* употребляется для характеристики непорядочного и наглого человека: *Коли б свині роги, то б усіх поколола* (укр.); *З свинячим писком та в пшеничне місто* (укр.); *Посади свиню за стіл, вона й ноги на стіл* (укр.); *Pozwól świni grzędę, ona „wyżej wsiedę”*. — *Позволь свинье грядки, а она: „сяду-ка выше”* (польск.); *Świnia świnia by nie była, żeby świństwa nie zrobiła*. — *Свинья не была бы свиньёй, если бы свинства не сделала* (польск.); *Jak świnie pod stół, to ona na stół*. — *Свинью под стол, а она на стол* (польск.).

Следует отметить, что в этой группе не менее ярко, чем в предыдущих, представлены негативные коннотации зооморфических образов *собаки* и *волка*, связанные с олицетворением в них злобы и недоброжелательности, иногда жестокости, что прослеживается на примере следующих паремий: *Собаке с волком не ужиться* (русс.); *Как волка ни корми, всё равно — позорный* (русс.); *Собаці собака смерть* (укр.); *Пес бреше на місяць, а місяць світить* (укр.); *Годуй вовка, щоб він тебе з'їв* (укр.); *Pies szczeka w oszy, oszczerca*

za oczu. — Собака лает в глаза, облает за глаза (польск.); *W owczej skórze działają, a wilczą postawę mają.* — В овечьей шкуре волчья натура (польск.)

Исключительно в польской паремике функционирует зооморфизм обезьяна: *Małpa zawsze będzie małpą choćby w jedwabiu.* — Обезьяна всегда останется обезьяной, даже в шелках.

В польской паремиологии для характеристики человека, совершившего необдуманый поступок, широко используется образ курицы, что прослеживается на примере пословиц: *Daj kurze grzędę, a ona: wyżej siędę* — Дай курице грядки, она: сяду-ка выше; *Trafiło się ślepej kurze ziarno* — Попалось зёрнышко слепой курице. В русских паремиях названный зооморфический образ является также распространённым, часто встречается в биноме *яйца–курица*, но в другом контексте, например: *Яйца курицу не учат; Яйца курицу дисциплинируют.*

Достаточно часто в польских паремиях встречается образ птицы, который представляет интерес двойной коннотацией, поскольку используется для описания и хвастливого, и заботливого человека: *Zły to ptak, który własne gniazdo kala.* — Плохая та птица, которая собственное гнездо испоганит; *Każdy ptak swe piórka chwali.* — Каждая птица своим пером гордится; *Każdy ptak dla swoich dzieci gniazdo ścieli.* — Каждая птица своим детям гнездо вьёт; *I ptak tam ciągnie, gdzie się ulągnie.* — И птица туда тянет, где сядет.

Образ опытного, умного человека в паремике трёх исследуемых языков, главным образом создаётся с помощью зооморфизмов мужского рода по модели ‘старый + зооморфизм’: *старый конь* (русск.: *Старый конь борозды не испортит*; укр.: *Старого коня не заїздити*; польск.: *Starego konia już nie ujeździsz*); *старый вол* (*Stary wół bruzdy nie psuje* — *Старый вол борозды не испортит*); *старый пёс* (русск.: *Старый пёс на ветер не лает*); *старая лиса* (русск.: *Старую лису хитростям не учить*; польск.: *Starego lisa trudno ulowić* — *Старую лису тяжело поймать*); *старый заяц* (польск.: *Zając stary wywodzi w pole ogary* — *Старый заяц выводит в поле гончих собак*); *старый воробей/скворец* (русск.: *Старого воробья на мякине не проведёшь*; укр.: *Старого горобця половою не звабиш*; польск.: *Starego szpaka/wróbła nie zwabisz na płewy*).

Зооморфизмы, условно отнесённые к третьей группе, в гендерном плане являются универсальными и могут выступать в паремике русского, украинского и польского языков в качестве описания концепта „Человек” с целью характеристики как мужских, так и женских черт характера, личностных качеств, манер поведения и особенностей внешности.

Представленные результаты анализа позволяют сделать вывод, что зооморфизмы-компоненты русских, украинских и польских паремий по своей сути являются своеобразными лексемами, носителями запечатлённых в них концептов, в том числе и гендерных, благодаря которым формируется семантика целой паремии.

Подтвердилось предположение, согласно которому в паремиях на примере зооморфизмов наблюдается смешение и недостаточно чёткое разграничение концептов „маскулинность” и „фемининность”. Это проявляется в соотношении концептуальных женских черт с мужскими зооморфическими образами и наоборот, а также в сопоставлении мужских качеств личности с зооморфизмами с ярко выраженной фемининной референцией.

Зооморфизмы, выступающие в качестве компонентов русских антипословиц и отражающие концепт „фемининность” или „маскулинность”, в большинстве случаев употребляются с целью описания на семантическом уровне существующих отрицательных социокультурных и полоролевых коннотаций. Зооморфные лексем-компоненты польских пословиц имеют более нейтральную окраску по отношению к фемининным зооморфным образам, выступающим в русской и украинской паремике.

Библиография

- Бочина Т. Г., *Зооморфизмы как семантические дериваты эмоциональной оценки*, [в:] *История русского языка: словообразование и формообразование*, Казань 1997, с. 125–132.
- Брославская Е. М., *Этнокультурные особенности зооморфизмов в русском, украинском и английском языках*, «Вестник МСУ» 4, 2001, № 6, с. 49–52.
- Вальтер Х., Мокиенко В. М., *Антипословицы русского народа*, СПб 2005.
- Васькова Е. А., *Гендерная специфика фразеологических единиц с зоонимами*, «Вестн. Моск. лингвист. ун-та», вып. 518, Москва 2006, с. 46–51.
- Жайворонок В. В., *Знаки української етнокультури: Словник-довідник*, Київ 2006.
- Жуков В. П., *Словарь русских пословиц и поговорок*, Москва 2007.
- Зимин В. И., *Словарь-тезаурус русских пословиц, поговорок и метких выражений*, Москва 2012.
- Киприянова А. А., *Функциональные особенности зооморфизмов (на материале фразеологии и паремологии русского, английского, французского и новогреческого языков)*, автореф. дисс. на соиск. уч. ст. канд. филол. наук, Кубанский гос. ун-т, Краснодар 1999.
- Коваль В. И., *Язык и текст в аспекте гендерной лингвистики: Монография*, М-во образования РБ, Гомельский гос. ун-т им. Ф. Скорины, Гомель 2007.
- Малишевская Д., *Базовые концепты культуры в свете гендерного подхода (на примере оппозиции «Мужчина/Женщина»)*, [в:] *Фразеология в контексте культуры*, Москва 1999.
- Мокиенко В. М., Никитина Т. Г., *Большой словарь русских поговорок*, Москва 2007.
- Мокиенко В. М., Никитина Т. Г., Николаева Е. К., *Большой словарь русских пословиц*, Москва 2010.
- Номис М., *Українські приказки, прислів'я і таке інше*, Київ 2004.
- Огдонова Ц. Ц., *Семантико-типологическая характеристика зооморфизмов*, [в:] *Семантика языковых единиц. Доклады IV Межд. конф.*, т. 1, Москва 1998, с. 190–191.
- Першай А. Ю., *Репрезентация гендерных отношений во фразеологии*, автореф. дисс. на соиск. уч. ст. канд. филол. наук, Минск 2002.
- Сабитова З. К., *Лингвокультурология*, Москва 2013.
- Сукаленко Т., *Метафора як засіб вербалізації гендерних стереотипів*, [в:] *Мова і суспільство*, Київ 2011, с. 23–32.
- Шарова А. А., *Гендерный аспект зооморфных образов (на материале русского и английского языков)*, автореф. дисс. на соиск. уч. ст. канд. филол. наук, Ярославль 2010.

- Шведчикова Т.В., *Лексико-семантическая группа как отражение языковой системы (на примере наименований домашних животных в русском языке)*, Новосибирск 1998.
- Bańko M., *Inny słownik języka polskiego*, т. 1–2, Warszawa 2000.
- Bartmiński J., *Językowe podstawy obrazu świata*, Lublin 2012.
- Bartmiński J., *Stereotypy mieszkają w języku. Studia etnolingwistyczne*, Lublin 2007.
- Chlebda W., *Człowiek Niewiedzący w zoologu, albo Zwierzęta w polskim opisie słownikowym*, [в:] *Bestie, żywy inwentarz i bracia mniejsi. Motywy zwierzęce w mitologiach, sztuce i życiu codziennym*, ред. P. Kowalski, K. Leńska-Bąk, M. Sztandara, Opole 2007, с. 21–32.
- Grzegorzczak R., *Wprowadzenie do semantyki językoznawczej*, Warszawa 2010.
- Kłosińska A., Sobol E., Stankiewicz A., *Wielki słownik frazeologiczny PWN z przysłowiami*, Warszawa 2005.
- Kłosińska K., *Słownik przysłów. Przysłownik*, Poznań 2011.
- Mills H. M. (ред.), *Slavic Gender Linguistics*, Iowa City 1999.
- Szpila G., *Semantyka kontekstualna leksemów zwierzęcych w przysłowia*, «Literatura Ludowa» 3/2000, с. 13–22.
- Tokarski R., *Światy za słowami. Wykłady z semantyki leksykalnej*, Lublin 2013.
- Wierzbicka A., *Semantyka. Jednostki elementarne i uniwersalne*, Lublin 2010.
- Wyżkiewicz-Maksimow R., *Językowy obraz człowieka — charakter i osobowość w paremiologii polskiej, serbskiej i chorwackiej*, Gdańsk 2012.

Семантика зооморфізмів в складі російських, українських та польських паремій (гендерний аспект)

Резюме

У статті проводяться кількісний, якісний та зіставний аналізи російських, українських та польських паремій з компонентом-зооморфізмом в гендерному аспекті. Особлива увага приділяється вивченню особливостей функціонування зооморфізмів в російській, українській і польській пареміології та їх маскулінній, фемінінній і метагендерній референції.

Ключові слова: зіставна семантика, лінгвокультурологія, паремія, зооморфізм, гендерна лінгвістика.

Semantics of zoomorphisms in composition of Russian, Ukrainian and Polish paroemias (gender aspect)

Summary

In the article a qualitative comparative analysis of Russian, Ukrainian and Polish paroemias with a zoomorphic component is conducted. A special attention is paid to the gender specifics of zoomorphisms and their functioning in Russian, Ukrainian and Polish paremiology as well as to the masculine, feminine and metagender references of zoomorphisms.

Keywords: comparative semantics, cultural linguistics, paroemia, zoomorphism, gender linguistics.